

Второе восстановление патриаршества в Русской православной церкви в 1943 году

*Материалы круглого стола кафедры церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского института*¹

Второе восстановление патриаршества стало одним из ключевых событий в истории РПЦ XX в. Фактологическая сторона этого события сегодня достаточно изучена, однако обсуждение мотивов и движущих сил, альтернативного развития событий, а главное плодов, которые принес этот церковно-государственный проект, сохраняет актуальность. Участники круглого стола, посвященного 75-летию избрания патриарха Сергия, обсудили ряд вопросов: был ли выбор у руководства РПЦ МП осенью 1943 г., когда Сталин высказал пожелание скорейшего восстановления структуры и статуса церкви в СССР? кто более нуждался в церковном ренессансе — Сталин или Московская патриархия? Ключевая проблема, которая оказалась в центре обсуждения: что приобрели, а что потеряли стороны этого «союза»? какой ценой было восстановлено патриаршество в Русской церкви? на какие компромиссы вынуждены были пойти советское правительство и руководство РПЦ МП, а вслед за ним епископат и клир? Участники круглого стола пришли к выводу, что за внешним благополучием, которое обретала церковная структура после 1943 г., было потеряно единство внутри церковного народа и, как следствие, возникли отчужденность и недоверие между епископатом, клиром и мирянами. Церковь перешла к совершенно другой эклизиологической модели, заложившей основания системного кризиса.

ключевые слова: второе восстановление патриаршества, «новый курс» религиозной политики Сталина, патриарх Сергий, Совет по делам РПЦ, Архиерейский собор 8 сентября 1943 г., Декларация 1927 г., проект всеправославного единства.

Участники круглого стола: священник Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института; священник Илья Соловьев, канд. ист. наук, канд. богословия, директор Общества любителей церковной истории; Константин Петрович Обозный, канд. ист. наук, заведующий кафедрой церковно-исторических

1. Круглый стол прошел 22 октября 2018 г.

дисциплин СФИ; Игорь Александрович Курляндский, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; Иван Владимирович Грибков, канд. ист. наук, доцент кафедры социальных наук и технологий НИТУ «МИСиС»; преподаватели СФИ.

К. П. Обозный. Восстановление патриаршества в Русской церкви произошло на архиерейском соборе в Москве 8 сентября 1943 г. Постоянно появляются новые книги, публикуются новые документы, проявляются новые веяния в церкви и обществе; есть такие даты, которые требуют периодического возвращения, осмысления, нового подхода. Восстановление патриаршества в годы Второй мировой войны не только обусловлено особой идеологией государства, определенной политикой правительства в церковно-государственных отношениях, но и связано с духовной жизнью приходских общин и отдельных христиан. Среди вопросов, которые были сформулированы оргкомитетом и предлагаются для нашего обсуждения, есть вопрос о том, как эти события сказываются на современной жизни церкви. Мы не могли предугадать, что круглый стол совпадет с эпохальными событиями — разрывом евхаристического общения между двумя патриархиями, двумя поместными церквями. То, что происходит в настоящее время, уходит корнями в историю, в начало XX в., но также связано с событиями Второй мировой войны. Говоря о восстановлении патриаршества, невозможно не говорить о «новом курсе», новой советской политике в отношении церкви и религии.

Был ли выбор у митр. Сергия (Страгородского) и Русской церкви в сентябре 1943 г.? Мог ли митр. Сергий, учитывая опыт декларации 1927 г., по-другому отреагировать на предложение Сталина?

К. П. Обозный. Восстановлению патриаршества предшествовала встреча Сталина с тремя митрополитами и важными руководителями советского государства 4 сентября 1943 г., во время которой обсуждались вопросы патриаршества, изменений в церковной политике. Началось все с телефонного звонка митр. Сергию (Страгородскому), когда «ответственные товарищи» предложили ему встречу со Сталиным. Ему не приказывали, но сказали, что есть такая возможность². Митрополит Сергий мог сказать,

2. Подробнее об этом см. записку Г. Г. Карпова [Записка].

что он болен, мог найти благовидный предлог, чтобы отказаться от встречи, но он, не возражая и не медля ни минуты, вместе с митр. Николаем (Ярушевичем) и митр. Алексием (Симанским) отправился на дачу к Сталину. По мнению некоторых исследователей, эта встреча коренным образом изменила историю Русской православной церкви. Возникает вопрос о выборе: кто больше нуждался в возрождении патриаршества — Сталин или Московская патриархия?

И. В. Грибков. Надо разделять, был ли выбор у митр. Сергия, как митрополита, и был ли выбор у церкви. У митр. Сергия выбор все-таки был, так как у человека всегда есть выбор. Вопрос, был ли выбор у церкви, на мой взгляд, более сложный. Если бы церковь решила полностью уйти в катакомбы, а этот путь избрали некоторые общины, продолжила ли бы она свое существование в прежнем статусе? Тех, кто не сотрудничал, просто уничтожали. Многие религиозные общины, которые веками существовали на территории Российской империи, просто исчезли. От них остались какие-то материальные артефакты, но ни носителей, ни служителей больше не существует. Поэтому я отвечу так: у митр. Сергия выбор был, а у церкви выбора не было.

И. А. Курляндский. Предложения Сталина выглядели весьма привлекательно с точки зрения интересов церкви. На встрече с митрополитами он сказал, что стеснений не будет, многое обещал, но потом не выполнил. Выяснилось, что он во многом обманул и митрополита (затем патриарха) Сергия, и церковные структуры. Отказаться в той ситуации было бы, конечно, глупо. Митрополит Сергей, хотя и делал ошибки, но заботился в той исторической реальности о благе церкви. Эта историческая реальность практически не давала выбора: или катакомбное существование, когда режим будет уничтожать и давить, или легальное, но под сильным прессом государства. По принципу наименьшего зла и осуществлялся этот выбор.

Свящ. Илья Соловьев. С начала войны, когда уже было воссоздано Высшее управление обновленческой церкви, которая продолжала в это время существовать, началось своеобразное соперничество в выражении лояльности к власти и в высказывании патриотических чувств между лидерами религиозных объединений — митр. Сергием и обновленческим митр. Александром

Введенским. Митрополитом Сергием было написано воззвание в связи с началом войны. С подобными обращениями к народу выступили и первоиерархи обновленческих церквей в СССР, два обновленческих митрополита: Александр Введенский и Виталий (Введенский). Они тоже объявляли сбор средств в фонд обороны страны. Например, А. И. Введенский передал в этот фонд от себя лично драгоценную панагию и деньги.

Если бы в 1943 г. митр. Сергей, у которого, конечно, был личный выбор, высказал нежелание идти навстречу инициативе Сталина, то могло быть два варианта развития событий: 1) либо ему предпочли бы другого митрополита, что для него, как человека, который всю жизнь стремился к ключевым постам в Русской православной церкви, означало бы фиаско; 2) либо, что менее вероятно, Сталин обратил бы свой взор к обновленческой церкви. В таком случае, эта альтернативная структура, которая с начала 1920-х гг. была у советской власти «про запас», могла бы участвовать в директивном церковном возрождении.

Надо помнить, что все действия митр. Сергия, начиная с 1927 г., помимо выражения его собственной лояльности по отношению к власти, в той или иной степени преследовали цель борьбы с обновленчеством и последователями митр. Григория (Яцковского), так называемыми григорианами. Борьба эта составляла для него одну из важнейших задач. В 1943 г. он понимал, что если ему оказано доверие, если открыт путь для фактического, а не номинального признания Московской патриархии, то это автоматически может означать, что поставлен вопрос о прекращении деятельности обновленцев и григориан, преодолении раскола тем же путем, каким он и был создан, т. е. при помощи государства.

И. В. Грибков. Я вспомнил известный исторический анекдот, в котором Сталин, поссорившись с Крупской, говорит: «Мы найдем Ильичу другую вдову». Действительно, митр. Сергей (Страгородский) понимал, что Сталин мог назначить митрополитом любого, проведя все формальные действия. Но кто бы тогда занял эти посты? Даже не обновленцы, а просто случайные люди.

Свящ. Илья Соловьев. Власти могли бы потребовать, как они сделали в 1925 г., объединения на паритетных началах обновленцев и сергиевцев. Тогда положение Московской патриархии было бы весьма осложнено. Митрополита Сергия устраивал не паритет

с обновленцами, а монополия в церковной жизни. Мы знаем, что он шел навстречу всем пожеланиям властей в тех случаях, когда они желали, чтобы то или иное лицо было принято в состав Московской патриархии. Так, например, вскоре после сентябрьской встречи 1943 г. определенные ведомства потребовали, чтобы митр. Сергием был принят в архиерейском сане обновленческий митр. Корнилий (Попов). Тот самый, из-за которого у обновленцев возник скандал еще в 1923 г. Когда в России началась обновленческая смута, Корнилий (Попов) был одним из немногих епископов, сложивших с себя монашеские обеты. Его хотели включить в состав обновленческого Высшего церковного совета, но тогдашний его глава митр. Антонин (Грановский) категорически запротестовал, сказав, что если состоится назначение Корнилия — он покинет совет. То, против чего так категорически возражал митр. Антонин (Грановский) в 1923 г., спустя 20 лет безропотно выполнил митр. Сергей. Эта его показательная и последовательная «сговорчивость» исключала его отказ от предложений, сделанных Сталиным. Предложения властей, в какой-то степени, могли быть неожиданными для руководства Московской патриархии, но они были давно им ожидаемы.

Свящ. Георгий Кочетков. У меня такое же ощущение, что для митр. Сергия (Страгородского) даже вопрос о выборе не стоял. После Собора 1917–1918 гг. все старались выполнить его решения, а здесь вдруг появлялась такая возможность. У него самого не было вопросов, переходить ли на нелегальное положение. При патриархе Тихоне такие вопросы еще могли стоять, и то только для отдельных групп или общин. У митр. Сергия была четко выраженная позиция, она всегда была непоколебимой. Поэтому вопрос о выборе не мог даже быть поднят ни для митр. Сергия, ни для возглавляемой им церкви. Выбор был совершен давно, задолго до этого. 1943 год — сложный период: уже поменялась ситуация на фронте, хотя еще не окончательно. Предчувствие, что такая война что-то серьезно поменяет в жизни, начинало себя проявлять. Допускаю, что у митр. Сергия были мысли о том, что после такой буквально народной войны власть не сможет вести себя так, как вела до войны. Значит, есть надежда на лучшее.

Какой ценой было восстановлено патриаршество в Русской церкви в СССР? Можно ли было считать это логическим продолжением декларации 1927 г.? Что нового приобрела и что потеряла церковь после осени 1943 г.?

К. П. Обозный. Я прочту выдержки из дневника П. Е. Ковалевского, опубликованного в Нижнем Новгороде несколько лет назад под названием «Пасхальный свет на улице Дарю». Ковалевский был близок митр. Евлогию (Георгиевскому), он был преподавателем Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже и членом РСХД. Вот запись от 9 сентября 1943 г.: «В воскресенье радио, а вчера и третьего дня все газеты сообщили о посещении митр. Сергием и еще двумя иерархами Сталина и Молотова и о получении ими разрешения собрать в Москве собор и выбрать патриарха» [*Ковалевский*, 320]. Следующая запись 12 сентября 1943 г.: «Утром пришли сведения о том, что вместо собора в Москве было созвано церковное собрание, которое должно избрать в патриархи митр. Сергия и одновременно образовать Синод как государственное учреждение» [*Ковалевский*, 320]. 18 сентября: «Если в послании ко всему христианскому миру, подписанном митр. Сергием (а не патриархом Сергием!) и двенадцатью епископами говорится почти исключительно о патриотическом деле спасения страны, то одновременно с этим издан первый акт “Синода”, который по своей грубой политичности и отрицанию канонов Церкви больно отзовется во всех православных сердцах. Все, кто сотрудничал или сотрудничает с немцами или с ними работает, отлучаются от Церкви, а священнослужители извергаются из сана. Поистине, это — чудовищный антихристианский акт под видом соборного постановления. Митрополит Сергей (Литовский) (имеется в виду Сергей (Воскресенский) — К. О.) тем самым извержен из сана, как восстанавливающий церкви в сотрудничестве с немцами. Начало нового “церковного учреждения” говорит само по себе. Бедная Церковь! Из гонений попасть в пленение горшее и худшее, чем когда-либо было» [*Ковалевский*, 320–321].

П. Е. Ковалевский не относился к Зарубежной церкви и трудно заподозрить его в ангажированности, идеологичности. Напомню, что после выбора патриарха Сергия на соборе были приняты обращения к христианам всего мира, а также к православным епископам, клирикам, мирянам, которые находились на оккупированной территории Советского Союза. Определение Синода несло в себе разрушительный заряд. Это была цена, которую нужно было заплатить Московской патриархии и лично митр. Сергию (Страгородскому) за проведение собора и установление патриаршества.

И. А. Курляндский. В моей новой книге о церковно-государственных отношениях во время «нового курса», которая готовится к изданию в Институте российской истории РАН, есть глава «Плата за существование». Есть внутривластное и внешнеполитическое измерения того компромисса, на который церковные структуры вынуждены были пойти, чтобы получить официальное признание. Что здесь имеется в виду? Во-первых, это прославление Сталина, советского строя. По справедливым словам историка Т. А. Чумаченко, РПЦ стала дополнительным источником легитимации советского режима. Это подтверждается фактами, выступлениями священнослужителей, иерархов, духовных авторитетов. Надо сказать, что РПЦ не была исключением из ряда других конфессий и вынуждена была принять правила игры. Православная церковь имела самое широкое влияние на верующее население Советского Союза; православные иерархи, священнослужители агитировали трудящихся за мобилизацию на производительный труд в колхозах, выполнение народно-хозяйственных планов, достижение высоких показателей, проведение безальтернативных выборов, подписание грабительских займов, участие в кампании «борьбы за мир» с 1949 г. Церковь устами своих духовных лидеров подтверждала правильность внешней политики Советского Союза, участвовала в официальной лжи, когда иерархи давали ложные интервью, отправляли ложные послания о том, что в СССР с религией все хорошо, никаких стеснений нет. А стеснения со второй половины 1940-х гг. только множились. Власти запрещали открывать новые храмы, а владыка Николай (Ярушевич) в это время говорил, что враги Советского Союза не останавливаются ни перед чем, чтобы опорочить демократический сталинский строй. Он говорил это в 1951 г., когда вовсю шли репрессии по делам «антисоветской пропаганды» среди священнослужителей и мирян, снова закрывались храмы, в том числе открытые на оккупированных территориях. Такое участие в создании искусственно благополучной, радужной, светлой картины — это тоже цена компромисса, как и пронизанность структур церкви «гэбэшными» структурами, осведомителями вплоть до высших иерархов. Все это было. Церковным историкам не надо бояться фактов и говорить о них, надо воссоздавать правду, какой бы она ни была.

К. П. Обозный. Я вспоминаю слова прот. Павла Адельгейма: «Зачем нужна церковь в Советском Союзе? Это как когда человек

на один глаз кривой вставляет стеклянный глаз. Он вроде бы и не нужен, но лицо становится более человеческим. Вот и церковь советской власти нужна была для этого: изобразить социализм с человеческим лицом». В 1943 г. потребовались и легитимность, и человеческое лицо власти. Этому посвящена прекрасная монография С. Майнера «Сталинская священная война», недавно переведенная на русский язык. В ней на основе западных документов показано, какой серьезный прессинг оказывался на правительство союзных стран со стороны общественности, политических сил, общественных организаций: «Что вы делаете? С кем вы заключаете союз? Это же убийцы, антихристиане» — имелись в виду Сталин и советское правительство [Майнер, 301]. Естественно, на переговорах с советскими дипломатами были предъявлены некоторые требования либерализации внутренней политики в СССР. В итоге Сталину ничего другого не оставалось, как этот «стеклянный глаз» все-таки вставить.

И. А. Курляндский. Добавлю к этому, что был еще один внешнеполитический момент — это поддержка советизации восточной Европы. Страны народной демократии имели большой сегмент верующих и свои православные диаспоры. Через эти церковные структуры шла поддержка режимов. Председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов лично это курировал; туда посылали митр. Алексия (Симанского) и митр. Николая (Ярушевича), других иерархов. Шла борьба с униатами в Чехословакии. Клубок внутренних и внешнеполитических факторов определял игру сталинского режима с церковью.

И. В. Грибков. Я обратил внимание, когда изучал документы Румынской православной церкви, что событие 1943 г. очень интересно меняет взгляд на Русскую православную церковь — она перестает быть жертвой. Например, в 1941 г. румыны пишут: наша миссия — помощь христианам братской церкви. После 1943 г. церковь православная теряет статус жертвы. На нее смотрят как на инструмент власти.

Священник Пьетро Леони, католический миссионер в Одессе, в своих воспоминаниях полунамеками писал о том, что православная церковь инкорпорируется в режим, становится инструментом режима и что она сама начинает использовать режим для достижения своих целей [Леони, 69, 116–117 и др.]. Это было взаимное движение навстречу. Если говорить о Восточной Европе,

то у католических епископов было некоторое пространство свободы, они могли сказать: «У меня же нет разрешения папы, поэтому я не могу выступить с заявлением в поддержку сборов в фонд мира». У Московской патриархии не было такой возможности, не было такой инстанции, но, тем не менее, статус жертвы, статус гонимой церкви в глазах других терялся. В эмигрантской печати, например, в газете «Церковное обозрение», намекали, что нельзя поддерживать режим, потому что это сделает церковь союзницей этого режима. Когда режим рухнет, а он не может не рухнуть, поскольку богоборческая власть не может существовать, — вместе с ним рухнет и церковь. Опасение эмигрантов было серьезным. Это попытка осмысления цены компромисса.

Л. В. Комиссарова. Да, другого выхода не было у руководителей церковных структур. Мы сейчас говорим о церкви, имея в виду исключительно церковные структуры. Церковный народ во внимание не принимается, он погоду не делает, с ним ничего не связано. На самом деле все не совсем так. В 1920-е гг., после революции при всех проблемах происходило оживление церковной жизни, просыпался церковный народ. Меня потрясло, когда я прочла, что в 1918 г. в Совете объединенных приходов было установлено дежурство церковных приходских общин вокруг патриарха Тихона. Народ, если было нужно, собирался в течение 12 минут. У патриарха была возможность общаться с народом, с паствой. Но потребность общения с паствой постепенно уходила. После войны, в 1959–1960-е гг. молодежь уже не понимала: церковь — это что? Ничего. Это и есть та цена, которую мы заплатили. Старики умирали, народ расцерковлялся, за исключением тех, кто сохранил церковную жизнь — катакомбную, потаенную, неофициальную.

Свящ. Илья Соловьев. Главная цена компромисса 1943 г. — создание церковно-административной системы, при помощи которой государство выработало определенные и, надо признать, весьма действенные механизмы тотального влияния на церковную жизнь. Если раньше налаженного механизма не было, то после 1943 г. этот механизм появляется. Если прежде для воздействия на церковную жизнь использовались такие инструменты, как, например, расколы, то теперь создается монолитная церковно-государственная структура; если прежде для выгоды власти был патриарший местоблюститель, который был недосыгаем, до кото-

рого допускали только нужных людей для нужного разговора, то теперь номинального патриаршего местоблюстителя не было, а был глава организации, обладающий всей полнотой власти.

Для того чтобы создать четкий механизм новой церковно-административной системы духовной и светской власти, нужно было изменить устав Собора 1917–1918 гг., т. е. передать патриарху те полномочия, которых он никогда не имел. Образно говоря, тот куколь, который возложили в 1943 г. на митр. Сергия, был совсем другой, нежели тот, в который облачали на Соборе патриарха Тихона (Беллавина). Полномочия патриарха Сергия кардинально отличались от полномочий патриарха Тихона. Все ограничения патриаршей власти убираются, создается мощная монолитная церковно-административная система, при помощи которой власть может безусловно управлять церковью.

Помимо усиления полномочий патриарха, усиливается и вертикаль власти в церкви; патриарх становится лицом, действия которого никто не может обсуждать. Это произошло не потому, что митр. Сергей обладал огромным авторитетом. Патриарху даны были такие полномочия, что он мог управлять церковью без оглядки на кого бы то ни было. Это было сделано для того, чтобы патриарх стал проводником решений определенной власти, в системе все должно было работать без сбоев.

Естественно, что усиление вертикали власти и предание почти что папских полномочий патриарху неизбежно ограничивало роль мирян. После собора 1943 г. они уже фактически не участвуют в делах церковного управления. Миряне отныне — определенный контингент людей, который создает богослужебный антураж, поет «Верую...», «Отче наш...», жертвует какие-то средства.

Когда после хрущевских гонений начинается протест против преследования церкви, неожиданно проявилась очень сильная мирянская инициатива. Но мирянам говорили: «Кто вам дал право, как вы смеете обсуждать действия святейшего патриарха и действия священного синода?» Это уже позиция, которая вошла в плоть и кровь тогдашней подсоветской церкви. Так и теперь думают некоторые священнослужители и миряне. На это накладывается еще и учение о «смирении», а точнее — псевдосмирении: никуда не лезь, твоя хата с краю, без тебя разберутся.

Установление церковно-административной системы и есть главная плата церкви за ее легализацию. Последствия мы переживаем и сейчас. К слову, надо отметить еще следующее. Часто говорят, что Московская патриархия была создана в 1943 г. Это

исторически неверно. Она создана гораздо раньше; в 1931 г. уже выходил «Журнал Московской патриархии». Но часть правды в этом есть, так как в 1943 г. была создана Московская патриархия как церковно-административная система. Создание новой церковной модели, как я уже говорил, — это и есть главная цена, которую пришлось заплатить православной церкви.

Посмотрим немного в прошлое. Когда император Петр I пытался подчинить церковь своему влиянию — он упразднил патриаршество. Исторический опыт показал, что не самый факт упразднения патриаршества привел к тому, что церковь превратилась в государственное учреждение. Церковь вполне может быть «государственной» и при патриархе. Успех петровского замысла подчинения церкви был обусловлен созданием определенного механизма, тоже определенной церковно-административной системы, суть которой заключалась в прямом вмешательстве власти в дела церковного управления посредством светского чиновничества, а не в упразднении патриаршества.

Л. В. Комиссарова. Я бы хотела уточнить. Собор является законодательным церковным органом, он принимает решения, а патриарх — исполнительная власть. Разве были внесены изменения в Устав, принятый на Соборе 1917–1918 гг. и патриарх стал выборной властью?

Свящ. Илья Соловьев. Полномочия патриарха, вертикаль власти устанавливались явочным порядком. Уже в 1945 г. в Устав Русской православной церкви были внесены определенные изменения. При воссоздании патриаршества была сохранена часть той модели церковного управления, которая была создана Собором 1917–1918 гг. Но церковно-административная система Московской патриархии образца 1943 г. разительно отличалась от замыслов Поместного собора 1917–1918 гг. Более того, очень скоро после событий 1943 г. решения Московского собора 1917–1918 гг. были окончательно похоронены.

Правда в том, что эти решения были частично похоронены еще раньше, при патриархе Тихоне, но оставалась надежда, что их только «засыпали песочком». А в 1943 г. их уже «уложили в асфальт, проехали катком», не осталось ни Высшего церковного совета, ни Синода — как особого избранного Собором органа, участвующего в церковном управлении. Этот орган окончательно закрепился как исполнительный орган при святейшем патриархе.

И. А. Курляндский. Получается, что Церковь используется как приводной ремень «чекизма».

Свящ. Илья Соловьев. Церковь лишили ее существенного свойства, которое определено Никео-Цареградским символом веры. Единство усилилось, апостольское преемство не нарушилось, а существеннейшего своего свойства — соборности — церковь лишилась в 1943 году. Те элементы соборности, которые были установлены Собором 1917–1918 гг., отпали с момента избрания митр. Сергия патриархом. Даже весь антураж отпал: Высший церковный совет, Священный синод. Таким образом, речь идет не только о внешнем акте.

И. А. Курляндский. Помню высказывание о. Александра Борисова, что Сталин стремился превратить церковь в богадельню для старых и убогих, для пенсионеров. Советский режим уничтожил церковь как сознательную общественную силу. Она понималась как место, где отсталые граждане могли реализовывать свои дремучие предрассудки. Они не имели голоса: ни церковного, ни соборного, не могли интегрироваться в советскую жизнь.

Свящ. Георгий Кочетков. Отец Илья говорил об утрате соборности, а по существу были утрачены все свойства церкви, потому что церковь перешла к совершенно другой экклезиологической модели. Мы не имеем даже той экклезиологии, которая была до того, хотя она была отнюдь не идеальна и связана с симфонией, что характерно для константиновского периода. Это означает, что внутри самой себя церковь утратила единство, святость, соборность и апостоличность, не только как преемство рукоположения, но как преемство смысла духа и жизни. Это хуже, чем любая другая система управления, это не только лишение церкви соборности на всех уровнях. Коллективизм — это не соборность. Синод выступает как коллектив, писал Ковалевский, как государственное учреждение, и работает так и по-другому не может работать. Фигура патриарха становится папистской. Папистская модель характерна для многих автокефальных православных церквей. Главные прецеденты — Москва и Стамбул. Первое и второе установление патриаршества — это две совершенно разные церковные ситуации. До 1943 г. это была церковь исповедников, хотя были всегда коллаборационисты и предатели. Была возможность исповедания веры, и церковь не отторгала исповедников,

не говорила: ты исповедник, ты не подчиняешься патриарху, и значит, ты враг церкви. Возьмем простой вопрос — историю употребления русского языка в богослужении. Известно, что до 1937 г. служили на русском языке, в 1937 г. расстреляли всех служивших по-русски священников, но после 1943 г. об этом нельзя стало говорить, это воспринималось в церкви как диссидентство, точно так же, как и в государстве. Государство воспринимало это как недопустимую мысль: какой русский язык в богослужении, мало ли что принял Собор 1917–1918 гг., забудьте, не было этого. Это охранялось и церковью при поддержке государства.

Можно видеть преемственность между декларацией 1927 г. и событиями 1943 г. Но 1943 г. был, пожалуй, похуже того, что произошло в 1927 г. Это действительно переломный момент. В церкви и после 1943 г. были мученики и исповедники, вплоть до нашего времени (вспомним гибель о. Павла Адельгейма от посланца известных органов). Но разве церковь это признает, разве в церкви это ценность? Кто сейчас об этом скажет? Люди десять раз обернутся назад и ничего не скажут, хотя знают реальные события. То же самое и с Борисом Талантовым. Такая цена непомерна. Нельзя сказать, что это делало только государство. Я застал это в жизни. Церковь сама стала подбирать лояльных власти людей на наиболее видные должности, епископские, пресвитерские, хотя и с подачи, с рекомендации. Часто худшие качества церковной администрации работали сами там, где от нее этого не требовали. Они перевыполняли план — церковь разрушала сама себя. На сегодняшний день мы имеем систему церковного клерикализма, здесь мы переплюнули католиков. У нас родился четвертый тип, точнее чин, иерархии, что видно из чинопоследования поставления патриарха. Это вещь системная, глубинная. Как исправлять эти вещи, совершенно непонятно.

К. П. Обозный. Я изучал отчеты уполномоченного Совета по делам РПЦ по Псковской области. Возможно, специфика того времени состояла в том, что территория долгое время находилась в немецкой оккупации, когда церковная жизнь приходов была относительно спокойной. В послевоенные годы миряне чувствовали себя довольно смело: и за священника могли постоять, написать прошение, письмо и Карпову, и Молотову, и областному руководству, и митр. Григорию (Чукову) в Ленинград пожаловаться. Видно, что после 1943 г. на низовом уровне миряне еще пытались что-либо делать. Поколение, которое имело еще добрую христи-

анскую прививку со времени начала XX в., пыталось реализовывать на приходском уровне свое призвание и ответственность. В церковных советах было много людей, которым нельзя было сказать: нет и все, не твое дело. В этих советах были и фронтовики с наградами, и колхозники, на которых держалась деревня, которые входили в церковные исполнительные органы. Советской власти нужно было, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

По поводу потерь и гибели культурного слоя церковного народа я совершенно согласен. Удивительный феномен: те, кто были репрессированы перед войной или после освобождения на Северо-Западе России и в Прибалтике, начинают возвращаться из сталинских лагерей в 1955–1956 гг. Для Ленинградской епархии и Прибалтики это время расцвета перед очередным ударом атеистического государства. Многие из духовенства хоть и не были репрессированы, но терпели лишения и повседневный прессинг: чиновники Совета по делам РПЦ не давали справку о регистрации «ненадежным» священникам. Отец Константин Шаховской не мог после освобождения зарегистрироваться и только благодаря знакомству с епископом Таллинским Алексием (Ридигером) ему удалось получить глухой приход на окраине Эстонии.

Свящ. Илья Соловьев. Не будем это абсолютизировать, потому что после создания Совета по делам религий появилась организация, которая могла осуществлять контроль за деятельностью религиозных объединений и в которую можно было обратиться.

В архиве Наркомюста сохранился целый фонд, где собраны жалобы и прошения людей, которые требуют реализации своих законных прав на свободу совести. После того как эти государственные структуры прекращают свое существование, наступает период, когда верующим было даже некуда пожаловаться. Для обращений у мирян оставалось только два адреса: НКВД и лично Сталин. Фактически такой структуры, которая могла бы выступать арбитром и следить за соблюдением законодательства о религиозных культурах, не было. Образование Совета по делам религий привело к тому, что моментально в него посыпалось огромное количество писем от верующих с просьбой: зарегистрировать общину, передать храм и т. д. Появление государственного органа открыло «шлюз», и все прошения и чаяния пошли в определенном направлении.

В известном смысле можно говорить и о позитивной стороне создания Совета. В какой-то степени он регулировал внутренние взаимоотношения среди клира и епископата. Архиерейский

произвол не являлся тогда определяющим фактором в церковной жизни...

И. А. Курляндский. Официальная легализация дала возможность для дальнейшего собирания церковных сил. В небольшом количестве, совершенно не соответствующем потребностям церкви, стали открываться духовные учебные заведения. Мы знаем имена церковных деятелей-подвижников, которые из них вышли. Я вспомнил противоречивую фигуру о. Дмитрия Дудко. Он окормлял диссидентское антисоветское движение. Вот он из числа учащихся первых открытых духовных академий.

К. П. Обозный. Мы упоминали митрополита Литовского Сергия (Воскресенского). Он оказался в числе епископов, отлученных московским собором. Сегодня можно говорить, что вышедший в 1943 г. документ об отношении к изменникам веры и отечества, отлучающий от церкви мирян и запрещающий в служении клириков, в том числе епископов, имеет не церковный, а пропагандистский характер. Экзарх Сергей (Воскресенский) был расстрелян в апреле 1944 г. неизвестными³. Он не выступил открыто с осуждением выборов патриарха, не подвергал их сомнению, но осторожно высказался, что нужно получить достоверные сведения и документы об этом событии в Москве, чтобы вынести церковное суждение. Вместе с тем, в апреле 1944 г. митр. Сергей написал послание, в котором очень четко выразил свое отношение к советской религиозной политике: «Мы призываем вас не поддаваться большевистским наущениям и не верить большевистским посулам! <...> Сталин не Савл и Павлом не станет» [*Обращение*, 256]. И буквально через несколько дней его убили неизвестные на безлюдной дороге из Вильнюса в Каунас.

И. А. Курляндский. До сих пор непонятно, были это нацисты или советские чекисты.

К. П. Обозный. Обычно ссылаются на показания фон Эккельна, который был руководителем гестапо в Прибалтике и давал показания перед своей казнью в Риге на процессе над нацистскими преступниками. Он подтвердил, что ликвидация митр. Сергия была

3. Подробнее см.: [Шкаровский, Соловьев, 124–142].

совершена его подчиненными. Признательные показания в данном случае не имеют абсолютной степени объективности, поскольку хорошо известна цена сведений из советских судебно-следственных документов.

Несмотря на то, что 8 сентября 1943 г. вышел скандальный документ «Осуждение изменников вере и Отечеству», после смерти Сергия «старшего» в Москве и Сергия «младшего» в Прибалтике, на заседании Синода был принят документ о том, что все рукоположения пресвитерские и хиротонии епископов, которые были совершены митр. Сергием (Воскресенским) и его викарными епископами в 1941–1944 гг., признаются действительными [Шкаровский 2002, 358]. Таким образом, без широкой огласки и оповещения на весь мир, подобно тому, как это было осенью 1943 г., скандальный пропагандистский документ был аннулирован самой Московской патриархией.

Что приобрели в результате восстановления патриаршества церковь и власть?

Свящ. Илья Соловьев. Позитивные моменты второго восстановления патриаршества имели место только в исторической перспективе: открытые духовные учебные заведения, передача церкви ряда храмов и монастырей. Что-то сдвинулось в лучшую сторону, когда режим эволюционировал и от звериного сталинского типа перешел к менее агрессивному.

Свящ. Георгий Кочетков. Но есть другая сторона. Мы знаем, что было время, когда для поступления в духовные заведения направляли просто сотрудников органов, потом от этой практики отказались. В середине 1960-х гг. XX в. студентов было очень мало. После войны на всю РСФСР открыли лишь один монастырь — Лавру. Все было «закэзгэбэшено». Меня выгоняли из Духовной академии в 1983 г. Таким образом, я не мог служить даже будучи в сане и нигде не мог устроиться на работу. Профилактируемы были и о. Виталий Боровой, и С. С. Аверинцев. Так что все эти плюсы были очень неоднозначны: кто-то мог пробиться, что-то можно было собрать, но всегда ценой тяжелого компромисса. Вспоминаю фразу о. Виталия: «Откроются архивы, и мы узнаем, кто церковь предавал, а кто за нее боролся и ее защищал». Он многое сам прошел и многое знал о всех деятелях церкви. Но до конца мы все не знаем, ибо архивы до сих пор не открыты.

Помните знаменитый разговор митр. Никодима с патриархом Пименом? Патриарх Пимен упрекал митр. Никодима, зачем он выполняет их задания. Никодим ответил: «Да, я иду и выполняю то, что мне говорят, я иду на компромиссы, но при этом я что-то приобретаю для церкви. А Вы тоже идете на компромиссы и ничего для церкви не обрываете». Это характерная для того времени ситуация.

Что приобрело советское правительство — понятно. А что с 1943 г. приобрела церковь? На мой взгляд, она потеряла значительно больше и внутри, и вокруг себя. Мы не можем забыть, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. аванс доверия к церкви в народе был колоссальный. Мы приписываем эту заслугу крови новомучеников и исповедников, это их заслуга, а не церковных политиков и руководства. Аванс доверия в народе был уникальный, но иерархия не смогла им воспользоваться. Сейчас рановато подводить окончательные итоги, так как период второго установления патриаршества, на мой взгляд, не закончился, потому что нового периода по отношению к периоду 1943 г. пока не видно. Все те же лица, что и в 1960–1970-е гг., ничего не изменилось по сути дела.

К. П. Обозный. Советское правительство тоже далеко не все получило, что запланировало. Наверное, многие читали работы О. Ю. Васильевой о сталинском проекте вселенского православия, так называемом Всеправославном единстве, собранном вокруг Москвы, как не столько церковного, сколько политического центра.

И. А. Курляндский. Проект сталинской власти и Московского патриархата о вселенском православии под началом Москвы провалился.

Свящ. Илья Соловьев. Он не просто провалился. Сегодняшние межцерковные отношения тоже в каком-то смысле явились результатом второго восстановления патриаршества — как составной части сталинской политики. Сталин хотел создать особый коллегиальный межцерковный орган, похожий на ООН, куда, как известно, были включены две самостоятельные республики — Украина и Белоруссия. В ООН это было сделано для того, чтобы обеспечить Москве больше голосов. Но после падения СССР две эти республики с легкостью самоопределились.

По аналогии с ООН для обеспечения поддержки инициативам Москвы были созданы (или легализованы) новые церков-

ные образования, которые в период СССР фактически не имели самостоятельного и независимого существования. Например, была предоставлена автокефалия Православной церкви в Чехии и Словакии (1951 г.). Известно, что для предоставления автокефалии существуют определенные условия, в частности, наличие собственной иерархии, числом не менее трех. А церковь Чехословакии в то время не могла выдвинуть из своей среды даже своего первоиерарха. В результате автокефалия была предоставлена церковной структуре, даже первоиерарх которой был поставлен из Москвы. Болгарская, Польская, Чехословацкая церкви должны были, по мысли Сталина, стать проводниками политики Русской церкви на мировой арене. Сделано это было для того, чтобы в проектируемом всеправославном органе они голосовали бы так же, как голосовали в ООН Белоруссия и Украина.

Чем в исторической перспективе обернулось создание некоторых поместных церквей? Оказалось, что они все потребовали подтверждения своих автокефальных прав от Константинополя... Результат легализации Болгарской, создания Польской и Чехословацкой автокефалий — оказался совсем не таким, как предполагало тогда советское правительство. Налицо провал сталинской политики создания «православного Ватикана» с далеко идущими последствиями. Для Русской церкви было бы лучше просто сохранить свои епархии и приходы в Зарубежье, чем создавать из них консолидированные церковные образования, которые были призваны поддерживать курс Москвы.

И. В. Грибков. Вся иерархия и верхушка греко-католической церкви сразу после войны была арестована, кого-то отправляют в лагерь, кого-то просто убивают. Находят второсортных людей, которые организуют некое собрание и отрекаются от всего. Действительно, полная ликвидация церкви. Шоком для центральной московской иерархии стала ситуация, когда «из ниоткуда» впоследствии возникает мощнейшая консолидированная структура, причем, с мирянами, с паствой, со священниками, с иерархами. Эта структура существовала в абсолютном подполье до конца 1980 — начала 1990-х гг. Эта ситуация консолидировала подполье, сохранила иерархию, очистила ее от коллаборационистов, соглашателей, позволила просуществовать до конца 1980 — начала 1990-х гг. Этот «дар» сейчас прекрасно работает против Московской патриархии. Такая же ситуация в Молдове.

Свящ. Илья Соловьев. В чешских землях создание «промосковской автокефалии» многих от нее оттолкнуло. Я знал некоторых православных в Чехословакии, которые говорили, что если бы Москва не дала тогда автокефалию, то православие в этой стране никогда бы не рассматривалось частью местного населения как агент советского влияния. Особенно после событий так называемой Пражской весны. По-видимому, без московской автокефалии успех православной миссии в этой стране был бы бóльшим.

К. П. Обозный. Приведу пример для размышления. Это тоже иллюстрация церковной политики — итоговый документ совещания епископов заграничной православной церкви в октябре 1943 г. в Вене. Туда приехали епископы с оккупированных территорий Советского Союза и Белоруссии. Вот выдержки из этого документа: «В своем заявлении по радио Сталин в целях укрепления своей тиранической власти хочет только показать миру, что советская коммунистическая партия и он, как возглавитель ее, дают свободу Церкви, идя якобы искренно навстречу страждущему Русскому народу в его устремлении к Богу. Он протягивает свои руки к своим пленникам иерархам Русской Церкви, признавшим под его давлением богоборческую власть законной и народной, предлагает им мнимый мир и лукавый поцелуй, способствует поставлению Патриарха. Но верить ему нельзя — он не покаялся и вместе со своей коммунистической партией по-прежнему остается жаждущим мировой коммунистической революции с уничтожением христианства и всякой религии. Он только временно надел на себя маску союзника Церкви» [*Определение, 360*]. Небольшой отрывок, касающийся митр. Сергия: «Неканоническое и нецерковное избрание Патриарха, произведенное в интересах богоборческого правительства, является не менее опасным для Церкви, чем открытое на нее гонение. Оно чревато тяжелыми последствиями. Оно унижает авторитет Церкви и ее иерархов, оно ставит их в служебное положение перед слугами дьявола, наносит новые раны Церкви-мученице в лице по-прежнему гонимых исповедников ее и создает новую смуту в церковной среде. Рождаются новые соблазны для верующих и новые поводы для издевательств над ними со стороны неверующих. Тем, что митр. Сергий принес Православную Церковь в жертву интересам безбожной Советской власти и поставил ее в служение этой власти, он совершил предательство Христовой Церкви» [*Определение, 361*].

Есть документы, свидетельствующие о том, что немецкие органы фактически добивались от разных частей православной церкви на оккупированных территориях, чтобы проводились конференции и совещания по вопросу патриаршества в СССР. Не без влияния «кесаря», только другого окраса, нужные резолюции были приняты. При этом с точки зрения канонов эти решения были составлены вполне грамотно. С другой стороны, плодом «нового» курса и восстановления патриаршества в Москве стало то, что в РПЦЗ после разгрома Германии вошли разные епископы и клирики (вынужденные в 1943–1944 гг. уходить на Запад вместе с немецкими войсками), которые с церковно-канонической точки зрения не были близки в довоенный период. Этот факт не стал позже препятствием в сближении РПЦЗ и РПЦ МП в начале XXI в.

Свящ. Илья Соловьев. РПЦЗ объединилась с Московской патриархией в 2007 г. именно потому, что у нее обнаружилось с Московской церковью некоторое экклезиологическое родство. Она была по существу согласна с той моделью церковного устройства, которая существовала у нас с 1943 г., но в свое время она не была согласна с красным цветом московской одежды.

В 1946 г. в Париже скончался митр. Евлогий (Георгиевский). Перед Русским западноевропейским экзархатом встал вопрос о его юрисдикционной принадлежности. Он не перешел тогда под Москву, полагая, что церковное устройство Московской патриархии оказалось не соответствующим принципам соборности, установленным Собором 1917–1918 гг. и ввиду несвободы иерархии Московской церкви.

Что же касается РПЦЗ, то здесь мы видим пример того, как созданная митр. Антонием (Храповицким) система в условиях государственной свободы за рубежом оказалась пустоцветом. Там тоже миряне были в значительной степени отстранены от дел церковного управления. В недавней своей статье профессор Антуан Нивьер при помощи таблицы наглядно показал, насколько принципы церковной соборности были реализованы в жизни зарубежной церкви [*Нивьер, 107*]. Это была почти та же система, что и в Москве, но только без московской политической окраски, а вернее с противоположной политической окраской. Когда причины политического свойства упразднились — упразднились и основные препятствия к объединению.

Интересно заметить, что в Зарубежье долгие годы считали, что исторический путь Русской церкви на Родине и за рубежом

будет рассмотрен на свободном Поместном всероссийском соборе, где будет дана также и оценка существовавшим в свое время разногласиям. Но никакого соборного суждения об объединении не было и это почти что никого не смутило.

Свящ. Георгий Кочетков. Если говорить о последствиях и влиянии на сегодняшнюю церковную жизнь, то системный кризис отношений к иерархии и каноническому праву связан с этими последствиями. Расцветает тотальное недоверие к иерархии как к структуре, как к принципу. Иерархия ныне у нас устроена клерикалистским образом. Так она сейчас осознает сама себя и представляет себя людям. Последние события показывают, что и сам канонический строй не работает. Иерархия не может решить ни одной проблемы, потому что все можно опротестовать, все перетолковать. Подрыв доверия к иерархии возник тогда, когда иерархия очень легко подчиняла себя власти и легко оказывалась руководимой, не являла внутри себя никакого предела и упора. Сейчас у нас период системного кризиса во всех православных церквях, их иерархического и канонического начала. Это означает глобальный кризис и глобальный вызов для всех.

Свящ. Илья Соловьев. Критский собор — яркий показатель нынешнего внутриправославного кризиса. Странно то, что для обсуждения насущных вопросов церковной жизни иерархия не посчитала необходимым пригласить для участия в Соборе представителей мирян, клира и монашествующих. Авторитет такого собора в современных условиях может быть только относительным.

И. А. Курляндский. В заключение добавлю, раз речь пошла о выводах нашего круглого стола. Надо противостоять идеологии, которая довольно сильна и в церковной среде, и в исторической, идеологии оправдания сталинской церковной политики, «нового курса» государственно-церковных отношений. Такой подход выдается за подлинно исторический.

К. П. Обозный. В завершение круглого стола хотел еще раз вспомнить книгу С. Майнера и один из его выводов, возможно, несколько идеалистичный, но все же интересный: Сталин в годы войны разрешил позитивно говорить о церкви и христианстве. Это было миной замедленного действия, которая взорвалась в 1988 г.

и привела к крушению всей системы. «Новый» курс, несмотря на все зигзаги церковной политики, привел к тому, что советская империя рухнула [Майнер, 125]. Но церковь на этих развалинах ничего не смогла сделать. Это некоторый призыв к нам всем. Всех благодарю, что нашли время и возможность прийти и обсудить на нашей площадке эти серьезные вопросы.

Литература

1. *Записка* = Записка Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова о приеме Председателем СНК СССР И. В. Сталиным иерархов Русской православной церкви. 5 сентября 1943 г. // Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны : Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М. : Российское объединение исследователей религии, 2005. С. 305–313.
2. *Ковалевский* = Пасхальный свет на улице Дарю : Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / Сост. Н. Росс. Н. Новгород : Христианская библиотека, 2014. 702 с.
3. *Леони* = «Шпионы Ватикана...» : О трагическом пути священников-миссионеров : Воспоминания Пьетро Леони, обзор материалов следственных дел. М. : Братонезж, 2012. 448 с.
4. *Майнер* = Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика 1941–1945 / Пер. В. Артемова. М. : РОССПЭН : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2010. 455 с.
5. *Нивьер* = Нивьер А. Русская церковная эмиграция и Московский Поместный собор 1917–1918 годов: принятие и применение соборных решений в 1920–1930 годах // Свет Христов просвещает всех : Альманах СФИ. 2018. Вып. 26. С. 88–110.
6. *Обращение* = Обращение совещания архипастырей и пастырей Прибалтийского экзархата «Православным людям в Литве, Латвии и Эстонии» от 5 апреля 1944 г. // Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. С. 255–257.
7. *Определение* = Определение совещания русских епископов в Вене относительно избрания Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского) // Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1946 гг. : Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 360–362.
8. *Шкаровский 2002* = Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь : Нацистская политика в отношении Православной

Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. М. : Крутицкое патриаршее подворье : Общество любителей церковной истории, 2002. 528 с.

9. *Шкаровский, Соловьев* = Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ. Церковь против большевизма : Митрополит Сергей (Воскресенский) и Экзархат Московской Патриархии в Прибалтике : 1941–1944 гг. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. 416 с.

The Second Restoration of the Patriarchate in the Russian Orthodox Church (1943)

Materials from a Roundtable Discussion of the Church History Department of St. Philaret's Institute

The second restoration of the Patriarchate was one of the key events in the history of the Russian Orthodox Church in the XX century. The facts surrounding this event have already been fairly well studied, though a discussion of the motives and driving forces, possible alternative courses for the developments of events and, most importantly, the fruits of this joint church-state project, are still very relevant. The participants of our roundtable discussion in honour of the 75th anniversary of the restoration of the patriarchate discussed a number of particular questions. Did the leadership of the Moscow Patriarchate of the ROC really have a choice in the autumn of 1943, when Stalin declared his desire to restore the status and structure of the church in the USSR as quickly as possible? Who needed a church renaissance more — the Moscow Patriarchate or Stalin himself? The key issue our roundtable participants found themselves dealing with was the question of what was gained and what was lost by the two parties as a result of this “union”. What price was paid for the restoration of the patriarchate in the Russian church? What compromises did Soviet authorities and the leadership of the Moscow Patriarchate — and, as a result, all bishops and clergymen — have to make? Our roundtable participants come to the conclusion that internal church unity was lost in favour of the external appearance of well-being, after 1943. As a result, lack of trust arose between various church diocese, clergymen and laity — all of whom became progressively alienated from each other. The church’s “ecclesial model” changed entirely, and a systemic crisis lay within the very foundation of the new model.

KEYWORDS: Second restoration of the patriarchate, Stalin’s “new course” for policy on religion, Patriarch Sergius of Moscow, Council for Russian Orthodox Church Affairs, Archiepiscopal Council of 8 September, 1943, 1927 Declaration on Recognition of the Soviet Regime, Project for Orthodox Unity.

References

1. Miner S. M. (2010). *Stalinskaia sviashchennaia voina : Religiia, natsionalizm i soiuznicheskaia politika 1941–1945* [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics, 1941–1945]. Moscow : ROSSPEN : Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina (Russian translation).
2. Niviere A. "Russkaia tserkovnaia emigratsiia i Moskovskii Pomestnyi sobor 1917–1918 godov: priniatie i primenenie sobornykh reshenii v 1920–1930 godakh" ["Russian Church Emigration and the 1917–1918 Moscow Local Council: Adopting and Carrying out Its Decisions in the 1920s–1930s"]. *The Light of Christ Enlightens : Academic peer-reviewed Journal of St. Philaret's Institute*, 2018, v. 26, pp. 88–110 (in Russian).
3. "Obrashchenie soveshchaniia arkipastyrei i pastyrei Pribaltiiskogo ekzarkhata 'Pravoslavnym liudiam v Litve, Latvii i Estonii' ot 5 aprelia 1944 g." ["Address of the meeting of archpastors and pastors of the Baltic exarchate 'Orthodox people in Lithuania, Latvia and Estonia', April 5, 1944"], in M. V. Shkarovskii, Il'ia Solov'ev, priest. *Tserkov' protiv bol'shevizma* [Church against Bolshevism], Moscow : Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii, 2013, pp. 255–257 (in Russian).
4. "Opredelenie soveshchaniia russkikh episkopov v Vene otноситel'no izbraniia Patriarkhom Moskovskim i vseia Rusi mitropolita Sergiia (Stragorodskogo)" ["Definition of the meeting of Russian bishops in Vienna regarding the election of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) as Patriarch of Moscow and All Russia"], in A. A. Kostriukov. *Russkaia Zarubezhnaia Tserkov' v 1939–1946 gg. Administrativnoe ustroistvo i otnosheniia s Tserkov'iu v Otechestve* [Russian Church Abroad in 1939–1964. Administrative Structure and Relations with the Church in Motherland], Moscow : Publ. St. Tikhon's Orthodox University of Humanities, 2015, pp. 360–362 (in Russian).
5. Ross (ed.) (2014). *Paskhal'nyi svet na ulitse Dariu : Dnevnik Petra Evgrafovicha Kovalevskogo 1937–1948 godov* [Easter Light in Dariu Street. Diaries of Petr Evgrafovich Kovalevsky of 1937–1948]. Nizhny Novgorod : Khristianskaia biblioteka (in Russian) (in Russian).
6. Shkarovskii M. V. (2002). *Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov' : Natsistskaia politika v otnoshenii Pravoslavnoi Tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoi territorii SSSR* [Nazi Germany and the Russian Orthodox Church : Nazi policies concerning the Russian Orthodox Church and religious revival within the occupied USSR territory]. Moscow : Krutitskoe patriarshee podvor'e : Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii (in Russian).
7. Shkarovskii M. V., Solov'ev Il'ia, priest (2013). *Tserkov' protiv bol'shevizma* [Church against Bolshevism]. Moscow : Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii (in Russian).

8. *“Shpiony Vatikana...” : O tragicheskoi puti sviashchennikov-missionerov : Vospominaniia Petro Leoni, obzor materialov sledstvennykh del* [“Vatican Spies”: about tragic way of priests-missioners as recollected by Pietro Leoni, review of cases in courts]. Moscow : Bratonezh, 2012 (in Russian).
9. “Zapiska Predsedatelia Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi pri SNK SSSR G. G. Karpova o prieme Predsedatelem SNK SSSR I. V. Stalinyim ierarkhov Russkoi pravoslavnoi tserkvi. 5 sentiabria 1943 g.” [“Note by G. G. Karpov, Chairman of the Council for Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People’s Commissars of the USSR, on the reception by the Chairman of the Council of People’s Commissars of the USSR I. V. Stalin of the hierarchs of the Russian Orthodox Church. September 5, 1943”], in M. I. Odintsov. *Vlast’ i religiia v gody voiny : Gosudarstvo i religioznye organizatsii v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1945* [Power and Religion in the Wartime : State and Religious Organizations in the USSR in the days of the Great Patriotic War, 1941–1945], Moscow : Rossiiskoe ob’edinenie issledovatelei religii, 2005, pp. 305–313 (in Russian).